

	ИСЛАМ И КУЛЬТУРА Ответственный за рубрику: <i>Бобровников В. О.</i> © Исламоведение. 2025. Т. 16, № 3 (65)	ISLAM AND CULTURE Person in charge of the section: <i>Bobrovnikov V. O.</i> © Islamic Studies (Islamovedenie). 2025. Vol. 16, no. 3 (65)

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-3-60-75

УДК 297

Содержание статьи

Информация о статье

C. R. Кварацхелия¹

Введение

Религиозно-обрядовый понятийный

аппарат абхазского языка

Лексемы, связанные с

государственностью, общественным
устройством

и мировосприятием

Заключение

Поступила в редакцию: 28.10.2025

Передана на рецензию: 31.10.2025

Получена рецензия: 25.11.2025

Принята в номер: 28.11.2025

Языковое наследие ислама: лексико-семантические особенности абхазского языка как маркер мусульманской идентичности

Московский исламский институт; abaza01@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние исламской цивилизации на абхазский язык. Анализ абхазской лексики обнаруживает глубокие и устойчивые следы ислама. Значительное количество слов, связанных с исламской практикой, активно используется и сегодня, свидетельствуя о продолжительном и всестороннем воздействии исламской культуры на все сферы жизни абхазского общества в прошлом.

Изучены как современная, так и историческая абхазская лексика и выделены две группы слов: 1) религиозно-обрядовый понятийный аппарат; 2) лексемы, связанные с государственностью, общественным устройством и мировосприятием. Особое внимание удалено тому, как многие понятия, связанные с исламом и исламской обрядностью, прочно сохраняются в народной памяти и отражают религиозные убеждения прошлого, а их редкое употребление в настоящее время связано лишь с ослаблением влияния ислама. Но даже с учетом семантического сдвига в некоторых случаях религиозная лексика абхазского языка имеет преимущественно мусульманское происхождение. Исламская религиозная терминология не только сохранила ритуально-обрядовое содержание, но и приобрела вторичные значения, в т. ч. и в сфере этикетных выражений, что свидетельствует о глубокой интеграции исламской лексики в абхазскую языковую и культурную среду. Эти заимствования отражают не только языковой контакт с тюркскими и северокавказскими народами, но и культурную и идеологическую адаптацию элементов исламской цивилизации. Языковое наследие абхазского народа остается устойчивым маркером мусульманской идентичности, живым свидетельством мусульманского компонента как неотъемлемой части национального самосознания, а ислам является собой важную составную часть культуры абхазов, оказавшую влияние на ее различные аспекты, в т. ч. языковой.

Ключевые слова: Абхазия, абхазский язык, ислам в Абхазии, исламская лексика, языковое наследие ислама, лексические заимствования, лексико-семантический анализ, мусульманская идентичность.

¹ Кварацхелия Станислав Рушбекович – аспирант Московского исламского института, имам-хатыб мечети г. Сухум, Республика Абхазия; <https://orcid.org/0009-0000-4621-9938>.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-3-60-75

UDC 297

Content of the article

Information about the article

S. R. Kvaratskhelia²

Introduction.
Religious and ritual conceptual framework of the Abkhaz language.
Lexemes related to statehood, social structure, and worldview.
Conclusion.

Received: 28.10.2025

Submitted for review: 31.10.2025

Review received: 25.11.2025

Accepted for publication: 28.11.2025

Linguistic Heritage of Islam: Lexical and Semantic Features of the Abkhaz Language as a Marker of Muslim Identity

Moscow Islamic Institute; abaza01@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of Islamic civilization on the Abkhaz language, identifying it as an important marker of the people's Muslim identity. The author's analysis reveals deep and enduring traces of Islam within Abkhaz vocabulary. A considerable number of terms associated with Islamic practice remain in active use today, attesting to the long-lasting and multifaceted impact of Islamic culture on all aspects of Abkhaz social life in the past. The study covers both contemporary and historical layers of Abkhaz lexicon and distinguishes two main groups of vocabulary: 1) religious and ritual conceptual terminology; 2) lexemes related to statehood, worldview, and social structure. Special attention is given to how many concepts linked with Islam and Islamic ritual practice have been firmly preserved in collective memory, reflecting the religious convictions of earlier periods; their infrequent use today is attributable solely to the weakening of Islamic influence. The author demonstrates that, despite occasional semantic shifts, the religious vocabulary of the Abkhaz language is predominantly of Muslim origin. Islamic religious terminology has not only retained its ritual and ceremonial content but has also acquired secondary meanings, including those in the sphere of etiquette expressions, indicating the deep integration of Islamic vocabulary into the Abkhaz linguistic and cultural environment. These borrowings reflect not only linguistic contact with Turkic and North Caucasian peoples, but also the cultural and ideological adaptation of elements of Islamic civilization. The conducted lexical-semantic analysis convincingly shows that the linguistic heritage of the Abkhaz people constitutes a stable marker of Muslim identity, a living testimony to the Islamic component as an integral part of national self-awareness. Islam represents a significant constituent of Abkhaz culture, having influenced its various dimensions, including the language.

Keywords: Abkhazia, Abkhaz language, Islam in Abkhazia, Islamic vocabulary, linguistic heritage of Islam, lexical borrowings, lexical-semantic analysis, Muslim identity.

Введение

Взаимодействие языков и культур является одной из ключевых тем в современной лингвистике и культурологии. Особый интерес представляет изучение языковых следов, оставленных одной культурой в языке другого народа, что позволяет глубже понять историю их контактов и трансформацию идентичности. Язык народа, являясь плодом многовекового творчества, представляет собой важнейший элемент культуры этноса, напрямую связанный с его историей. Он – средство познания

² Kvaratskhelia Stanislav Rushbeevich postgraduate student at Moscow Islamic Institute. Imam khatib of the mosque of the city of Sukhum, Republic of Abkhazia; <https://orcid.org/0009-0000-4621-9938>.

действительности во всех ее проявлениях, способ фиксации и дальнейшего распространения знаний об этом.

Несмотря на то что Абхазия в настоящее время часто позиционируется как страна с преимущественно христианским населением, проведенный нами анализ значительного количества лексем абхазского языка выявляет глубокие и устойчивые следы ислама. В частности, значительная часть религиозной лексики, связанной с исламом, прочно вошла в повседневный абхазский язык, сохранившись даже после десятилетий советских и современных «исправлений». Многие слова, связанные с исламом и имеющие прямое отношение к его практике, активно используются и в настоящее время, что свидетельствует о продолжительном и глубоком воздействии цивилизации ислама на все сферы жизни абхазского общества в прошлом – духовную, общественную, культурную, экономическую и другие.

Цель данной статьи – выявить и систематизировать лексические заимствования в абхазском языке, прямо или косвенно связанные с исламом и исламской цивилизацией, проанализировать их семантические особенности и оценить, как они отражают и сохраняют элементы мусульманской идентичности абхазского народа. Исследование строится как на современной, так и на исторической абхазской лексике.

Абхазский язык содержит значительное количество лексико-семантических особенностей и культурных концептов, связанных с кодом нации [19]. Как уже отмечалось, исламская цивилизация оказала большое влияние как на культуру абхазов в целом, так и на язык в частности. Изучение влияния лексики проводилось и ранее [8; 20; 21], однако количество подобных исследований незначительно, и они не в полной мере отражают внутренний смысл данных лексем. В связи с этим изучение особенностей абхазского языкового сознания в аспекте религиозной мусульманской идентичности по-прежнему актуально для современной исламской теологии.

Религиозно-обрядовый понятийный аппарат абхазского языка

Значительная часть арабской и персидской лексики вошла в абхазский язык через турецкое посредство, точнее – из староосманского языка. Именно Османская империя была основным проводником ислама среди абхазов, следовательно, немалая часть заимствований такого рода закрепилась в языке в турецкой фонетической основе.

Несмотря на многолетние процессы вытеснения из сознания абхазов всего, что так или иначе связывало их с принадлежностью к исламу – как во времена Российской империи, так и в советский период [17], сохранившиеся в народной памяти понятия даже в современной семантике позволяют раскрыть религиозные убеждения в прошлом. Достаточно знать, что само понятие «религия, вероисповедание» в абхазском языке передаётся единственной лексемой *адын* [13, с. 243] (араб. دین – «религия»), чтобы убедиться в превосходном влиянии ислама на формирование религиозной терминологии. Это слово, которое встречается практически у всех народов, традиционно исповедующих ислам, с тем же значением, исходит из Корана. Например, в суре Аль-Имран говорится: «Воистину, религией (دین «дин») у Аллаха является ислам» (3:19) [14, с. 58]. Здесь и далее необходимо учитывать, что префикс «*а*» в абхазском языке – это artikel определенности, который ставят перед именами существительными и по правилам абхазского языка добавляют также и к заимствованным словам [22, с. 13]. В значении «Бог, Господь» в абхазском языке чаще используется слово *Анцәа*, но нередким и естественным, особенно среди представителей старшего поколения, является и употребление слова *Аллаҳ* [13, с. 126] (араб. الله – «Аллах», собственное имя Бога в исламе [6, с. 30]). Это имя Бога абхазы зачастую употребляют машинально. Например, в таких устойчивых выражениях, как

Аллаҳ иңишиуоп – «милость Аллаха», Аллаҳ идирп – «Аллах знает (лучше)», Аллаҳ шәиниҳәаит – «да благословит вас Аллах» и др. Также в абхазской речи, хоть и считаются устаревшими, но еще можно услышать от представителей старшего поколения такие выражения, как Аллаҳу-тәала [7, с. 212] или Лахтаала [13, с. 454] (араб. اللہ تعالیٰ – «Аллах Всевышний»).

Рис. 1. Могила Агрба Мусы
Бастук-ипа (1912 г.). Село
Калдахуара, Гудаутского района

слово атоуба/атқауба (араб. توبه – «покаяние») чаще применяется в абхазском языке в значении «клятва, зарок, присяга» [13, с. 668]. Наряду с первичным, в аналогичном значении оно применяется и в родственном абхазскому кабардинском языке [20, с. 82]. Это можно объяснить тем, что в исламе понятие «покаяние» в грехах и проступках обязательно предполагает твердую решимость (клятву) в том, что впредь подобное не будет совершаясь. На основании этого очевидна семантическая трансформация лексемы.

Примечательно, что абхазы не используют слово «ислам» в качестве названия религии, хотя довольно распространенным (особенно в прошлом) является употребление его в качестве личного имени [11, с. 101]. В значении же сочетания «религия ислам» в абхазском языке употребляется слово аңылмáнра/амсылманра [13, с. 564] (тур. *müslüman*, от араб. مسلم – «мусульманин»), что буквально можно перевести как «мусульманство» (от абх. аңылмáн/амсылман [13, с. 564] – «мусульманин») или аңылман дин (буквально «мусульманская религия»). Здесь также необходимо отметить, что звучание первого слога «аңсы» в слове аңылмáн/аңылмáнра со словом аңсы [13, с. 563] (душа) и самоназванием абхазского народа аңсуа [23, с. 40] сближает это понятие с морально-этическим кодексом аңсуара (букв. «абхазство») [23, с. 40] в сознании абхазского народа.

Современным абхазам прекрасно знакомо слово «мечеть» – аңыаамá [13, с. 1004] (тур. *cami* от араб. جامع – «соборная мечеть»). Имам, мулла, духовный лидер, служитель ислама (мечети) в абхазской традиции именуется ахәáъя [23, с. 274] (тур. *hosca*, из фарси خوچه – «учитель, наставник»). Часто, чтобы подчеркнуть высокое положение среди других, его называли ахәаъя ду – буквально «большой ходжа».

При приеме пищи, заклании животного, выходе из дома и многих других

важных начинаниях абхазы по сей день традиционно употребляют выражение *ჲსიმილაჲ* [25, с. 21] (араб. بِسْمُ اللهِ – «с именем Аллаха»), а при восхищении чем-либо, чтобы «не сглазить» – *მაშალლაჲ* [7, с. 212] (араб. مَا شَاءَ اللَّهُ – «что пожелал Аллах»). Эти религиозные формулы по-прежнему используются многими абхазами (чаще пожилого возраста), независимо от вероисповедания.

В качестве приветствия у абхазов среди прочих используется и слово (*á*)*салам* [13, с. 628] (араб. سلام – «мир, безопасность, благополучие»), которое является установленным исламским приветствием, а также одним из имен Всевышнего Аллаха (араб. السَّلَامُ – «Дарователь мира/безопасности») [6, с. 812]. Если форма приветствия *салам უმაз* (мн. ч. – *салам шэымаз*) – буквально «да будет у тебя/вас салам», является лишь одной из употребляемых, то форма в значении «передать привет / приветствие» (абх. *áсалам сызýт*, *áслам рышьтýт* и др.) на сегодняшний день остается практически единственной, широко употребляемой. То же можно сказать и об абхазском понятии со значением «письмо» – *áсалам шэкэй* [13, с. 628] (букв. «приветственная книга/запись»), состоящем из двух однокоренных слов, одним из которых является *áсалам*. Другим однокоренным словом, употребляемым в современном абхазском языке, является *атаслым* (араб. تسلیم – «смирение, примирение») и его производные в значении «спокойный, тихий, умиротворенный» [13, с. 659].

Можно утверждать, что в абхазском языке религиозная лексика в основном имеет мусульманское происхождение и представляет собой арабские (в т. ч. коранические), турецкие и персидские заимствования, во многих случаях с последующим изменением первичной семантики. Так, в современном абхазском языке широко используется понятие *атааимбár* (тур. *reygamber*, из фарси پیغمبر – «пророк») – как в первичном значении, так и в значении «архангел» или «человек праведной жизни» [13, с. 549]. Учитывая тот факт, что в исламской тюрко-персидской традиции понятие *reygamber* (без конкретизации) обычно применялось к пророку Мухаммаду, можно предположить перенос в народном сознании (с утратой религиозных знаний) его качеств (избранности, посланнической миссии и верного служения Творцу) на некое «высшее существо» или праведного человека, что говорит о расширении первоначального значения слова.

В этом контексте также представляет интерес тот факт, что в некоторых источниках указывается, что абхазы, как и абазины, адыги и некоторые другие народы, использовали кличку мула пророка Мухаммада – «Дульдуль» (абх. «Дулдул», от араб. دلدل), подаренного ему египетским правителем Мукаукисом. Это слово употреблялось в значении «особенно ценной породы лошадей» или «сказочного коня» (или чего-то необычайно хорошего и красивого) [20, с. 92]. Это также свидетельствует о семантическом переносе, при котором качества и значимость исторического животного (с учетом высокого статуса Пророка) были перенесены на другой объект.

Необходимо также раскрыть такую лексему, как *áмаалýкъ* [22, с. 424] (араб. ملاك – «ангел»), помимо своего первичного значения, она в настоящее время часто употребляется в отношении младенцев и малых детей. Эта семантическая особенность объясняется представлениями о безгрешности ребенка, который подобен ангелу – существу, не способному к греху и ослушанию Творца. При этом в абхазском языке существует слово с единственным значением младенца (дитя), и оно также связано с исламской цивилизацией – *áсаби* [13, с. 627] (тур. *sabi*, от араб. صبي – «младенец, ребенок, дитя»).

В абхазском мировоззрении огромное значение имеют понятия, связанные как с пребыванием в Ближнем, материальном мире, именуемом по-абхазски *áдунеи* [13, с. 248] (араб. دنيا – «мирская жизнь»), так и в мире Вечном (после ухода из жизни),

именуемом *áxrat̥a/aharat̥* [13, с. 733] (араб. أَخْرَاتٌ – «мир вечный»). Здесь мы также обнаруживаем отражения исламского мировосприятия с использованием коранической терминологии. Омоним слова «мир» в значении «спокойствие, тишина» в абхазском языке также связан с исламской цивилизационной парадигмой и имеет форму *aṭyínchra* (тур. *tınc* – «мирный, спокойный») [20, с. 122]. Воздание в мире Вечном за деяния, совершенные человеком при жизни, в виде попадания в Рай (по-абхазски *uṭanāt̥*) [13, с. 1005] (араб. جَنَّةٌ – «Рай») или Ад (по-абхазски *uṭaḥanāt̥*) [13, с. 1006] (араб. جَنَّةٌ – «Ад»), также представляет собой важный элемент в традиционных воззрениях абхазов. В этом контексте обращает на себя внимание и то, что в значении «мúки, мучения» в абхазском языке бытует слово *aazáb/aazáb* [13, с. 7] (араб. عَذَابٌ – «мучение»), которое также является кораническим понятием, обозначающим мúки грешников после смерти [14, с. 501].

Другие религиозные лексемы, связанные с концом света и воскрешением после смерти, в современном абхазском языке частично изменили свое изначальное значение, сохранив при этом определенную близость по смыслу. Например, слова *ákaaméṭ* [13, с. 341] (от араб. قِيَامَةٌ – «воскрешение») и *áhyrzamán* (от араб. أَخْرِزْمَانٌ – «последнее время») используются как в значении «конец света // светопреставление» (уст.), так и в значении «нечто ужасное, бедствие» или «нечто удивительное, невероятное» [13, с. 753].

В абхазском языке такие значимые для мусульман религиозные понятия, как *áħalal* [13, с. 790] (араб. حَالٌ – «дозволенное») и *áħaram* [13, с. 792] (араб. حَرَامٌ – «запретное»), наряду со своим основным значением [21, с. 90], чаще употребляются в отношении качеств человека: добрый, щедрый человек – *ħalal*; скупой, вредный – *ħaram*. Здесь же можно привести примеры сложных слов в абхазском языке, корневыми основами которых являются слова *ħalal* и *ħaram*, например: *agħayħalálra* (благотворительность: *agħi* – сердце и *ħalal*) [13, с. 221] и *áħaramchýis* (запретная, вредная пища: *ħaram* и *čys* – еда) [13, с. 792] и др.

Термины, связанные с мусульманской религиозной обрядностью, прочно вошедшие в абхазскую лексику в прошлом, продолжают сохраняться и в современном языке. Их редкое употребление в настоящее время обусловлено ослаблением влияния ислама в духовной жизни общества. Это такие слова, как *asħaxáṭra* [13, с. 953] (араб. شَهَادَةٌ – «шахада»; в исламской терминологии «свидетельство о том, что нет ничего и никого, достойного поклонения, кроме единственного Бога/Аллаха, и что Мухаммад – Посланник Аллаха» [6, с. 248]), *aŋṭēs* [24, с. 83] (тур. *abdest* – «ритуальное омовение», из фарси آب دست – букв. «рука-вода»), *azán* [20, с. 78] (араб. أذان – «призыв на молитву»), *alamáz/anamaz* [20, с. 80] (тур. *namaz*, из фарси نماز – «ритуальная молитва»), *azaq्यáṭ* [20, с. 81] (араб. زكاة – «очистительная милостыня»), *azaq्यat̥ aль-fitrā* [25, с. 25] (араб. زكاة الفطر – «милостыня разговения, подаваемая в Рамадан»), *áuryčra* [13, с. 692] (тур. *oğuç* – «пост в месяц Рамадан»), *aháyvra* [13, с. 795] (араб. الحجّ – «хадж, паломничество к Каабе»), *akъaabá* [13, с. 389] (араб. كعبَةٌ – «Кааба») и другие. Примечательно, что такие слова, как *alamaz/anamaz* (ритуальная молитва) и *aháyvra* (паломничество) в абхазском языке в просторечии могут употребляться также и по отношению к представителям немусульманской религии.

Как отмечают некоторые источники, в духовной жизни абхазов в прошлом значительную роль играли лексемы, непосредственно связанные с религией и религиозными представлениями – такие, как *azq्यír* [25, с. 21] (араб. ذِكْرٌ – «поминание Аллаха»), *asiráṭ* [25, с. 25] (араб. الصِّرَاطُ – «мост над Адом»), *asunáṭra* (от араб. سُنَّةٌ – «сунна пророка Мухаммада») – в значении обрезания крайней плоти у мальчиков [25, с. 36]. Также в употреблении находилась лексема *aháṭma* [17, с. 169] (от араб. خاتَمُ الْقُرْآنِ – «Хадж, паломничество к Каабе»).

— «полное прочтение Корана»), обозначавшая практиковавшееся в то время чтение Корана во время поминального обряда по усопшему [5, с. 24]. При этом различали два вида этого обряда: *аҳатма ду* (большая) — полное прочтение всего Корана, и *аҳатма хызы* (малая) — чтение лишь избранных сур³.

Отдельного рассмотрения заслуживает бытование в абхазском языке мусульманских понятий, относящихся к лицам, не исповедующим ислам, либо к вероотступникам. Так, слово *агъааүр* (тур. *gavur* — «иноверец, неверный») наряду с основным значением может употребляться в значении «бес, черт» и функционировать как ругательство [13, с. 194]. Существует также сложное слово *гъааүрманы́з* (тур. *gavur imansız* — «неверный, безверный»), используемого в форме угрозы или ругательства, аналогично русскому выражению «ах ты, плут!» [13, с. 194]. В абхазском языке сохраняется и слово *аиман* [20, с. 83] (араб. إيمان — «вера»), хотя в настоящее время оно широко не употребляется.

Другое, близкое по значению, но уже арабского происхождения слово *ақъаафы́р* (араб. كافر — «неверующий») в абхазском языке «отвергающий Бога» [21, с. 90], помимо основного, имеет переносные значения «проклятый, бесстыжий» [13, с. 389], «мошенник, бестия» [7, с. 211]. На основе этого корня существуют и сложные слова, например, *алакъаафы́р* (в сочетании с абх. *алá* — собака), которое также имеет ругательное значение «негодяй, мерзавец» [13, с. 442]. Выражение *ауафы́мсылмán* (букв. «человек-мусульманин»), напротив, употребляется в значении «честный, искренний, порядочный человек».

Еще одна известная в абхазском языке лексема — *амуртáт/амыртáт* (араб. مرتد — «вероотступник»), обозначающая в исламской терминологии человека, отступившего от ислама [3, с. 284], в современном абхазском языке употребляется в значении «язычник» [13, с. 449]. К этому же ряду можно отнести и бытование в прошлом понятия *ацъаҳíл* (араб. جاهل — «невежественный, невежда») вместе с оригинальным — в значении «молодой (неопытный)» [21, с. 90].

Несмотря на изменение семантики, в абхазской традиции эти лексемы сохраняют отрицательную коннотацию, что свидетельствует о глубокой народной памяти, закрепившей негативное отношение к людям, не верящим в Аллаха и Его Посланника или отступившим от ислама.

Представляет интерес изменение семантики и даже части речи слова *адышьмán* (фарси دشمن — «враг»), которое в абхазской речи, помимо прямого смысла [8, с. 105], употреблялось и в значении, аналогичном русскому восклицанию «не дай Бог!» (вероятно, в смысле «столь ужасный враг, что не приведи Аллах встретиться с ним»). Важно упомянуть и то, что трагические события — Русско-Кавказская и Русско-турецкие войны, стали причиной насилия, вынужденного переселения абхазов в Османскую Турцию, вследствие чего в абхазском языке закрепились и сохраняются по сей день в памяти народа лексемы *амҳаау́рра* (мухаджирство), от слова *амҳаау́р* [22, с. 452] (мухаджир) (араб. مهاجر — «переселяющийся»). В исламской терминологии мухаджирами называли мусульман, которые во времена пророка Мухаммада покинули Мекку и переселились в Медину, спасаясь от жестоких гонений язычников [3, с. 516]. Использование данного понятия в отношении вышеупомянутых событий, несомненно, указывает на их восприятие в истории и сознании абхазского народа.

Резко негативную семантику имеют лексемы *ацъы́н* (араб. جن — «джинн») и *ацъы́ни* (с элементом усиления — *и*). В соответствии с исламским учением, джинны —

³ Информант Чамагуа А. Х. (1938 г. р.). Записано 20 августа 2016 г. в с. Ачандара Гудаутского района.

это незримые для людей разумные существа, созданные Аллахом из огня [6, с. 794]. Однако в современном абхазском языке слово *ацын* приобрело негативное значение – «злой дух» [13, с. 1010], как и *ацыныши* – «дьявол, сатана» [13, с. 1008]. Еще более отрицательную коннотацию имеют ныне почти вышедшие из употребления, но зафиксированные в источниках слова *ашиятан* – черт, дьявол [13, с. 950] (араб. شيطان – «шайтан») и *аиблис* – дьявол, демон, бес, сатана [20, с. 83] (араб. إبليس – «иблис»).

В абхазском языке слово *аишахыт* (араб. شهيد – «свидетель», в исламской терминологии – «мученик за веру») [6, с. 822] вместе со значением «павший на войне» приобретает и дополнительные значения – дух умершего [8, с. 100–101], мифический святой мертвец, который делает добро людям [13, с. 968], или же святой [8, с. 97]. Данное выражение употребляется и в переносном смысле, как нечто «затянувшееся», какое-либо дело, оставшееся неизменным [7, с. 211–212]. Эта лексема присутствует в языке наряду со словом *ашахат* (араб. شاهد – «свидетель»), которое имеет значение, подобное арабскому аналогу, но с определенной фонетической коррекцией. По мнению некоторых исследователей, это обусловлено влиянием нетюркских кавказских языков [8, с. 100–101]. К этому же ряду можно отнести слово *казауыт* (араб. غزوة – «поход против врагов» [3, с. 162]), которое в абхазском языке сохраняет смысл «священной войны у мусульман» [22, с. 383]. В прошлом это слово широко использовалось в героических народных песнях и сказаниях [9, с. 86–87]. В исламской же терминологии оно обозначает военную экспедицию против язычников, в которой лично участвовал пророк Мухаммад [3, с. 162].

Как мы можем убедиться, семантика религиозной лексики абхазского языка ярко демонстрирует историческое отношение абхазов к религии ислам. В продолжение можно отметить, что такие значимые религиозные понятия, как «грех» и «благодействие», в абхазском языке также выражаются словами исламской терминологии – *агэнха* [13, с. 206] (тур. *günah*, от араб. جناح – «грех, преступление») и *асаба* [13, с. 626] (тур. *sebep*, от араб. سبب – «причина, мотив, повод» [20, с. 86]; в исламской терминологии – «причина, посредством которой осуществляется тот или иной процесс или действие» [3, с. 909]. В данном случае, вероятно, «причина обретения довольства Аллаха». Возможна и иная этимология слова *асаба* – от араб. ثواب (сауб), которое в исламской терминологии означает «награда, вознаграждение от Всевышнего Аллаха за благодеяния» [6, с. 811].

Сложный вариант семантической трансформации представляет лексема *адоухá/адаухá* (араб. دعاء – «мольба, просьба»; в исламской терминологии – «обращение с мольбой к Аллаху» [6, с. 794]), первоначально имевшая значение «молитва» (обращение к Аллаху), «заклинание», а позднее – «духовность» [7, с. 211], «дух», «сверхъестественное начало» [22, с. 208]. Одно из ключевых понятий исламской добродетели – *асадакý/асадака* [25, с. 21] (араб. صدقة) – в абхазском языке сохранило тот же смысл, что и оригинал [6, с. 811]: «подаяние, милостыня, пожертвование» [13, с. 627]. От него же образовано и производное *асадакýтара/асадакатара*, означающее «благотворительность» [13, с. 627].

Примечательно, что в значении «(скрытый)смысл; хитрость» (или «значение слов/действий»), наряду с исконными формами, в абхазском языке иногда употребляется заимствованное слово *амаанá* [22, с. 424] (араб. معنى – «смысл, значение»), например, в выражениях: *измаани?/измааной?/измаанозе?* (в чем хитрость?), *мааныс иамеи?* (какой смысл в этом?).

В значении книги религиозного содержания в абхазском языке по-прежнему сохраняется слово *ақьтá* [13, с. 391] (араб. كتاب – «книга, писание»), которое, как правило, употребляется в отношении Корана. Вместе с тем в языке используется и

слово *Akəyrkáń* [13, с. 433] (араб. القرآن – «Коран»), представляющее собой абхазскую транслитерацию названия Священной книги мусульман.

Слово *ayáz* (тур. *va'z*, от араб. وَعْذَرَةٌ – «проповедь, поучение») в абхазском языке ранее имело первоначальное значение, однако в настоящее время чаще используется в значении «рассказ о горести» или «повествование о тяжелом переживании» [13, с. 681]. Некоторые источники отмечают также употребление слова *áшыих* (араб. شيخ – «шейх, старейшина») в значении «мудрец» [7, с. 212]. Мусульманские четки в абхазском языке и поныне обозначаются словом *aṭesçyıħə* [13, с. 666] (араб. تسبیح – «прославление, восхваление Аллаха»), которое не имеет синонимических замен.

Среди заимствований абхазского языка в религиозном контексте интерес представляет и лексема *агәыгәым*, означающая «кувшин», поскольку этот простой предмет быта в прошлом был непосредственно связан с практикой ритуального омовения перед молитвой (абх. *aηtəc*). В абхазском языке для обозначения медного кувшина употребляется слово *агәыгәым* [13, с. 210], восходящее к турецкому (османскому) *gübüm* – «кувшин с носиком, обычно медный» [18, с. 362]. Вместе с тем, по данным некоторых источников, сохранялся и синоним *akəmaán/акəмаан* [20, с. 103] (турк. *kıtgan*), вероятно, проникший в абхазский через северокавказское посредничество. Таким образом, оба указанных слова являются тюркскими заимствованиями. Очевидно, кувшин играл заметную роль в религиозной жизни абхазов прошлого (в условиях отсутствия централизованного водоснабжения), что находит отражение и в символике, изображенной на некоторых могильных плитах (рис. 1).

С практикой ритуального омовения в исламе также связано использование кожаных носков, допускающих их обтирание при совершении омовения [1, с. 46–48]. Этот религиозно-бытовой элемент исламской культуры также нашел отражение в абхазском языке. Так, кожаные носки обозначаются словом *амест*, восходящим к турецкому *mest* – «сафьяновые сапожки без подошвы» [7, с. 211]. Этимологическая связь вышеупомянутых терминов может свидетельствовать о лингвистическом и культурном влиянии исламской традиции, проявившейся в религиозно-лексической системе абхазского языка.

Приведем еще ряд лексем, прямо или косвенно связанных с религией и исламским мировосприятием: *аразқы* – счастье, рок, судьба, участь [13, с. 584] (араб. رزق – «удел; любое благо, дарованное Всевышним человеку» [6, с. 811]); *анасып* – счастье, везение, удача [13, с. 523] (араб. نصیب – «доля, участь, судьба, удача»); *абарақъат(ra)* – богатый (об урожае), изобилие, употребляется в выражениях благодарности за гостеприимство [13, с. 150] (араб. مركبة – «благодать от Аллаха, изобилие благ»); *хаир* – добро, нечто благое, используется в формулах благопожелания [23, с. 212] (араб. خیر – «добро, благо»), отсюда наречие *хаиырла* – «по добру, по хорошему случаю» [13, с. 728]; *азаалым(дара)* – несправедливость [22, с. 243] (араб. ظالم – «несправедливый, жестокий»); *амазлым* – угнетенный, кроткий, тихий [21, с. 89] (араб. مظلوم – «терпящий несправедливость, угнетенный»). Поскольку имущество в исламе рассматривается как дар Аллаха и включает все материальные ценности, вверенные человеку, то и слово *амál* – имущество, богатство [13, с. 476] (араб. مال – «имущество») в абхазском языке можно отнести к той же семантической категории.

В мировоззрении традиционного абхаза, независимо от его религиозной принадлежности, огромную роль играет понятие *анамыс/аламыс* – совесть, достоинство, честь [13, с. 518]. В арабском – *نَّامُوس*, означая «закон, совесть, честь», это понятие является основой морально-этического кодекса абхазов, его ключевой составляющей. *Аламыс* представляет собой мерило этики и нравственного порядка,

обобщенное выражение таких качеств личности, как достоинство, вежливость, честность, уважение к старшим, к лицам противоположного пола, к гостям и пр. Оно включает в себя и представление о том, что традиционно воспитанные абхаз или абхазка считают постыдным демонстрацию обнаженных частей тела перед другими людьми. Эти традиционные нравы абхазов, их роль и значение в общественной жизни ярко описал в своих новеллах М. Лакербай, в частности в рассказе с одноименным названием «Аламыс» [16, с. 253–254].

В контексте данного исследования определенный интерес представляет устаревшее слово *асаңъада* (араб. سجادة – «коврик для молитвы»), имеющее в абхазском языке значение «циновка» [10, с. 313]. Очевидное происхождение слова указывает на функцию, которую ранее выполнял этот предмет, по всей вероятности использовавшийся в прошлом для совершения молитвы и других религиозных действий.

В продолжение рассмотрения вопроса отражения мусульманской обрядности в абхазском языке следует отметить существование понятия *áńkъaḥ/ámkъaḥ* в значении «брачный контракт у мусульман» [22, с. 443] (араб. عَكْاح – в исламской терминологии «заключение брачного договора» [2, с. 46]). Известно, что еще в ранний советский период абхазы-мусульмане заключали браки в соответствии с требованиями исламского права [12, с. 43]. Для совершения обряда бракосочетания, по-абхазски *áńkъaḥñəará* [10, с. 473], приглашали муллу (абх. *axəačya*). В силу особенностей традиционного менталитета абхазов отец не мог лично выдавать свою dochь замуж, поэтому невесте назначали опекуна *áńkъaḥ uakъyıl* // *ñaqъyıl* (от араб. وَكِيل، عَكْاح – «никах» и «проверенный»), так называемого «названого брата» (абх. *áešya*), как правило, из числа друзей жениха [12, с. 43]. Составлялся и фиксировался на бумаге договор бракосочетания – *áńkъaḥ išekeýi* [12, с. 43] (букв. «запись никаха»), в котором устанавливался размер *ám(n)kъaḥṣá* [22, с. 443] (букв. «щена никаха», в абхазском языке – «брачный залог»). Очевидно, именно так абхазы называли установленный в исламской традиции брачный дар «махр» – имущество, выделяемое мужем жене при заключении равноправного брака [2, с. 305].

Соблюдение поста (абх. *auryičra*) в месяц Рамадан (ранее среди абхазов чаще употреблялась форма «Рамазан» [20, с. 81], в настоящее время – *auryičra mza*, буквально «месяц поста») являлось одним из наиболее строго исполнявшихся мусульманами Абхазии религиозных предписаний ислама. В соответствии с установленными нормами пост предварялся приемом пищи в ночное время, до рассвета, которое именовалось *ṭamčýt* [13, с. 655] (тур. *temcid*, от араб. تمجد – «прославление, восхваление»). Очевидно, название данной традиции первоначально было связано с религиозной практикой чтения молитв, зикра и сур Корана муэдзином до начала утреннего намаза в период Рамадана, что восходит к традициям Османской империи. Также у абхазов сформировалась традиция озвучивать намерение соблюдать пост выражением *niiámt skueim*, что буквально означает «беру ният»⁴ (араб. نية – «намерение»). Период приема пищи после дневного воздержания (араб. افطار – *iftar*, в исламской терминологии – «разговение; вечерний прием пищи во время месяца Рамадан» [6, с. 811]) в абхазской традиции обозначается исконно абхазским словом *açyrtyra* (букв. «открывание рта»). Это понятие соотносится со сходными выражениями в других языках мусульманских народов, например, тюркских: татар. *avız aču*, ногайск. *auyzashar*, кыргыз. *ooz ačuu*, узб. *o'giz ochish*. Такое лексическое

⁴ Информант Цушба Анна Мишиевна (1928–2009 гг.). Записано 5 сентября 2008 г. в с. Аацы Гудаутского района.

соответствие свидетельствует о типологической близости образного мышления народов, принадлежащих к различным языковым семьям, но объединенных общими религиозными традициями.

Особое значение в исламе имеет одна из ночей месяца Рамадан – Ляйлятуль-Кадр (араб. ليلة القدر – в исламской терминологии «ночь Предопределения») [6, с. 413]. Это понятие также нашло отражение в абхазском языке: традиционно данная ночь называлась *Кадыр гъезжъ⁵* (от тур. *Kader geç* – «ночь Кадр»).

Лексика, связанная с похоронной обрядностью абхазов, также отражает исламское наследие. Многие термины, обозначающие элементы погребального ритуала, пришли в абхазский язык в составе исламской религиозной лексики, восходящей к арабскому источнику, скорее всего, посредством староосманского языка. Так, само понятие «смертный час, конец жизненного срока» передается словом *áćyal* [13, с. 144] (араб. أجل – в исламской терминологии «окончание жизни человека и других живых существ, т. е. время смерти» [6, с. 786]). Известно, что в прошлом, включая советский период, абхазы-мусульмане хоронили своих умерших в соответствии с нормами ислама [10, с. 584]. Тело покойного омывали (абх. *açsykəabarə*), заворачивали в *акъафы́на* [22, с. 353] (араб. *كفن* – кафан, «саван»), читали погребальную молитву *аćvanaazý/аćvanaaza* [25, с. 39] (араб. *جنازة* – джаназа; в исламской терминологии «похороны; заупокойная молитва») и хоронили без гроба, укладывая тело в могильную нишу (араб. *لحد* – ляхд) и закрывая ее по диагонали деревянными досками. Позднее умерших стали хоронить в каштановом гробу без крышки, который называли *at̄a(o)ubýt̄* [13, с. 661] (араб. *تابوت* – табут, букв. «ящик») сохраняя традицию закрывать тело в могиле досками по диагонали [10, с. 584]. В современном употреблении с вытеснением самого обряда, словом *аćvanaazý/аćvanaaza* обозначают небольшой навес, устанавливаемый во дворе дома, под которым располагают тело покойного в день похорон для проведения гражданской панихиды. Таким образом, здесь также можно наблюдать семантическое смещение от религиозного обряда к его атрибуту.

Исламская праздничная лексика также получила отражение в абхазском языке, закрепившись в его лексико-семантической системе. Так, окончание поста в месяц Рамадан (араб. عيد الفطر – Ид аль-фитр, «Праздник разговения») в абхазской традиции называлось *áurychra áyýrpa* [25, с. 24-25], что дословно означает «выход из поста». В настоящее время употребляется вариант *Áurychra nýx̄a* (по аналогии с Ураза-байрам), буквально «Праздник поста».

Другой важный исламский праздник – Курбан-байрам (араб. عيد الأضحى – Ид аль-адха, «Праздник жертвоприношения») также прочно укоренился в абхазской культуре в прошлом и сохраняется и поныне. В старой традиции он обозначался сокращенным словом *Birám* [25, с. 28] (тур. *bayram* – «праздник»), а в настоящее время чаще используется форма *Käyrbán nýx̄a*, буквально «Праздник Курбан». Сама лексема *ákäyrbán* [13, с. 385] (тур. *kurban*, от араб. قبان – «жертвоприношение») давно и устойчиво вошла в абхазский язык. Она употребляется и в значении «жертвоприношения по обету» (абх. *ákäyrbánсыкәсциет*), и в ряде фразеологических выражений, означающих расположность и доброжелательность к человеку, например, *сукäyrbanup*, дословно – «да стану я курбаном для тебя». Здесь мы также видим пример того, как исламская религиозная терминология не только сохранила свое ритуально-обрядовое содержание, но и получила вторичные значения в сфере

⁵ Информант Чанба Ница Константиновна (1917–2007 гг.). Записано 25 декабря 2000 г. в с. Дурипш Гудаутского района.

этикетных выражений, что также свидетельствует о глубокой степени интеграции исламской лексики в абхазскую языковую и культурную среду.

Лексемы, связанные с государственностью, общественным устройством и мировосприятием

Особого внимания заслуживает рассмотрение заимствований из исламской цивилизации в абхазском языке, имеющих отношение к этимологии и семантике, прямо или косвенно связанных с Абхазской государственностью и общественным устройством. Так, термин, обозначающий государство и совокупность органов власти в абхазском языке представлен словом *ახეყნთქáрра* [13, с. 801], производным от *ახეყნთქár* (Государь) [13, с. 801]. Последнее восходит к титулу турецкого султана *hünkar* – «повелитель, владыка», который, в свою очередь, является османским вариантом персидского *خواندگار* (первоначальная форма на фарси *خداوندگار*, в турецком *hudavendigar*). В грузинском языке встречается схожая форма данного заимствования, однако ее употребление ограничено обозначением исключительно османского султана, зачастую с негативным или отчужденным оттенком. В абхазском же языке этот термин приобрел иное семантическое наполнение, обозначая собственно правителя и тем самым отражая восприятие исламской политico-культурной модели в контексте формирования абхазской государственности. К числу лексем данной категории, связанных с исламской культурной парадигмой в абхазском языке, относятся также такие понятия, как *абирák* – флаг [13, с. 169] (тур. *bayrak* – «флаг, знамя») и *амилáт* – нация [13, с. 492] (тур. *milet*, от араб. ملة – «нация»), причем второе слово употребляется в Священном Коране в значении истинной религии пророка Ибрахима, восстановленной пророком Мухаммадом [14, с. 27]. К этой же категории можно отнести такие понятия, как *амъéyr* – печать [13, с. 502] (тур. *tühiir*, от араб. مهر – «печать, печатка»), *азанаáт* – профессия, специальность [13, с. 290] (тур. *zanaat*, от араб. صنعة – « занятие, ремесло»), *ахазы́на* – (уст.) казначейство [13, с. 707] (араб. خزينة – «казна, казначейство»), *агэымры́қь* – (уст.) налог, арендная плата [22, с. 162], пошлина [21, с. 91] (тур. *gümruk* – «таможенная пошлина» [8, с. 98]), *аңáра* – деньги [13, с. 551] (тур. *para* – деньги), *aķérýish* – пятак, прост. деньги [13, с. 431] (тур. *kuruş* – совр. «сотовая часть турецкой лиры»), *арзаҳал* – заявление [13, с. 598] (тур. *arzuhal* – заявление).

Среди других заимствований, связанных с традиционным мировосприятием абхазов, их представлениями о мире, в т. ч. абстрактными, можно выделить следующие: *ахабár* – весть, сведение [13, с. 704] (араб. خبر – то же); *афеидá* – польза, выгода [13, с. 697] (араб. فائدة – польза, выгода); *ауасиáт* – завещание, завет [13, с. 685] (араб. وصيّة – завещание, завет); *ҳасаб* – буквально «принять в расчет» (араб. حساب – «исчисление; счет, расчет; отчет»), и его производные: *аҳасабра* – счет, арифметика, *аҳасабга* – счеты, *аҳасабба* – отчет [13, с. 793]; *ахáрь* – затрата, расход, убыток [13, с. 716] (араб. خرچ – «расход, издержки; деньги на расходы»); *акыýра* – арендная плата [13, с. 391] (тур. *kira*, от араб. كراء – арендная плата), *аҳák* – истина, правота [21, с. 90], моральный долг, обязанность, заслуга [13, с. 790] (араб. حق – «истинный, настоящий, подлинный; правильный, справедливый; право»); *áраз* – добный [13, с. 584], довольный, удовлетворенный, согласный [20, с. 121] (араб. راضي – довольный, удовлетворенный, согласный); *азýн* – право, разрешение [13, с. 296] (араб. إذن – «позволение, разрешение»); *араҳáт* – спокойный, умиротворенный [13, с. 587] (араб. راحه – «спокойствие, безмятежность; покой; отдых»); *аҳатыр* – почет,уважение [13, с. 794] (тур. *hatır*, от араб. خطير – «важный, значительный; достойный»); *атоурýх/атaaарых* – история [13, с. 649] (араб. تاریخ – «история, эпоха, дата»); *аҳазына* – сокровище, чудо, прелест [13, с. 707] (араб. خزينة – «сокровище, клад»); *атарцымáн/атырцыман* –

переводчик [13, с. 659] (араб. ترجمان – переводчик); *аҳақъым* – врач [13, с. 790] (араб. حكيم – «мудрый; философ; врач, доктор»); *ауаста* – мастер, плотник, столяр [13, с. 685] (тур. ista, от фарси استاد – «мастер, специалист», от араб. أستاذ – «учитель, наставник; профессор; мастер»); *азарал* – убыток [13, с. 291] (тур. zarar, от араб. ضرر – «вред, убыток»); *азаайф* – хилый, хрупкий, нежный [13, с. 286] (араб. ضعيف – «слабый, больной»); *аҳаиуан* – животное, скотина [13, с. 790] (араб. حيوان – «животное») и др.

Эти заимствования не только свидетельствуют о языковом контакте с арабскими, тюркскими и северокавказскими народами, но и отражают более глубокие процессы культурной и идеологической адаптации элементов исламской цивилизации в абхазском контексте.

Заключение

Исследование лексико-семантических особенностей абхазского языка убедительно демонстрирует, что его языковое наследие является важным и устойчивым маркером мусульманской идентичности абхазского народа. Несмотря на современные геополитические и конфессиональные нарративы, позиционирующие Абхазию как преимущественно христианский регион, язык хранит глубокий пласт исламской культуры.

Систематизация и анализ религиозной лексики арабского, в том числе коранического происхождения, показали, что эти заимствования не являются лишь историческим реликтом. Они прочно интегрированы в повседневный языковой обиход, сохраняя свою семантическую целостность и актуальность даже после периодов целенаправленного отчуждения в советскую и постсоветскую эпохи. Это свидетельствует не о поверхностном заимствовании, а о глубокой и длительной интеграции исламских концептов в культурный код абхазов.

Таким образом, язык выступает в роли своего рода «культурной памяти», которая фиксирует и демонстрирует исторические этапы формирования этнической идентичности. Лексико-семантические особенности абхазского языка, связанные с исламом, являются не просто следами прошлых контактов, а живым свидетельством того, что мусульманский компонент был и остается неотъемлемой частью абхазской культуры и национального, этнического самосознания.

Проведенное исследование подчеркивает необходимость дальнейшего, более детального изучения языкового сознания абхазов в контексте их религиозной идентичности. Это позволит не только восполнить существующие пробелы в теологии и лингвистике, но и получить более полное и объективное понимание сложной историко-культурной динамики абхазского народа.

Литература

1. Тахмаз, Абдалхамид Махмуд. Ханафитский фикх / Абдалхамид Махмуд Тахмаз; пер. с араб. А. Нирша; 3-е изд, испр. и дополн.; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Москва: Издательский дом «НУР», 2013. Т. 1. – 366 с.
2. Тахмаз, Абдалхамид Махмуд. Ханафитский фикх в новом обличье / Абдалхамид Махмуд Тахмаз; пер. с араб. А. Нирша, Р. Ахметжанова; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Москва: Издательский дом «НУР», 2013. Т. 2. – 324 с.
3. Али-заде, А. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – Москва: Изд-во «Ансар», 2007. – 920 с.
4. Арабско-русский словарь. Т. 1. – Ташкент: Камалак, 1994. – 456 с.
5. Ардзинба, В. Г. Моя жизнь. Воспоминания / В. Г. Ардзинба. – Сухум, 2018. – 512 с.

6. Гайнутдин Равиль. Ислам: вероучение, поклонение, нравственность, закон / Равиль Гайнутдин; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Централиз. религиозная орг-ция Духовное упр-е мусульман РФ, Санкт-Петербургский гос. ун-т, Моск. Ислам. ин-т. – Москва: Издательский дом «Медина», 2020. – 848 с. – (Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление).
7. Гублия, Р. К. Очерки по абхазской этимологии / Р. К. Гублия. – Сухум: АГУ: РИО, 2013. – 330 с.
8. Джонуа, Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка / Б. Г. Джонуа. – Сухум: АБИГИ, 2002. – 160 с.
9. Дзидзария, Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия / Г. А. Дзидзария. – Сухуми: Алашара, 1975. – 528 с.
10. Инал-ипа, Ш. Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки) / Ш. Д. Инал-ипа. – Сухуми: Алашара, 1965. – 695 с.
11. Инал-ипа, Ш. Д. Антропонимия абхазов / Ш. Д. Инал-ипа. – Майкоп: Адыгея, 2002. – 384 с.
12. Инал-ипа, Ш. Д. Традиции и современность / Ш. Д. Инал-ипа. – Сухуми: Алашара, 1978. – 112 с.
13. Касландзия, В. А. Абхазско-русский словарь / В. А. Касландзия. – Сухум, 2005. – 1011 с.
14. Коран. Перевод смыслов и комментарии / пер. с араб., комм. Э. Кулиева. – 6-е изд., стереотип. – Москва: Издательский дом «Умма», 2012. – 816 с.
15. Крылов, А. Б. Религия и традиции абхазов (По материалам полевых исследований 1994–1990 гг.): автореф. ... д. и. н. / А. Б. Крылов. – Москва, 2000. – 46 с.
16. Лакербай, М. А. Абхазские новеллы / М. А. Лакербай. – Сухум: Абгосиздат, 2014. – 424 с.
17. Смыр, Г. В. Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях / Г. В. Смыр. – Тбилиси: Мецниереба, 1972. – 227 с.
18. Турецко-русский словарь. – Istanbul, Multilingual, 1994. – 950 с.
19. Хагба, Л. Р. Базовые лингвокультурные концепты в абхазском и абазинском языках: на материале идиоматики; дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02, 10.02.19 / Л. Р. Хагба. – Нальчик, 2006 – 260 с.
20. Шагиров, А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков / А. К. Шагиров; отв. ред. В. И. Абаев. – Ин-т языкознания АН СССР. – Москва: Наука, 1989. – 191 с.
21. Шакирбай, Г. З. О турецких лексических заимствованиях в абхазском языке / Г. З. Шакирбай // Известия. Вып. II. / ред. кол.: Г. А. Дзидзария (отв. ред.), Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл [и др.]. – АН ГССР, АБИЯЛИ. – Тбилиси: Мецниереба, 1973. – 212 с.
22. Шакрыл, К. С. Словарь абхазского языка. Т. 1: А–О / К. С. Шакрыл, В. Х. Конджария. – 1-е изд. – Сухуми: Алашара, 1986. – 496 с.
23. Шакрыл, К. С. Словарь абхазского языка. Т. 2: П–Цъ / К. С. Шакрыл, В. Х. Конджария, Л. П. Чкадуа. – Сухуми: Алашара, 1987. – 544 с.
24. Ағзба В. Апсуаа рҳәамҭақәа. – ААР, Д. И. Гәлиа ихъз зху Апсуаттааратә институт. – Ақәа: АҮН «Акыпхъ ағны», 2021. – 224 с.
25. Смыр, Г. Апсыны апсылманра иахъатәи аҭагылазаашьеи уи аҼыхъеи / Г. Смыр. – Ақәа: Ашәқұтыжырта «Алашара», 1967. – 95 с.

References

1. 'Abd al-Hamīd Maḥmūd Taḥmāz. Ḥanafī Fiqh. Vol. I. Translated from Arabic by A. Nirrsh. 3rd revised and expanded ed. Edited by D. V. Mukhetdinov. – Moscow: NUR Publishing House, 2013. – 366 p. (In Russian).
2. 'Abd al-Hamīd Maḥmūd Taḥmāz. Ḥanafī Fiqh in a New Form. Vol. II. Translated from Arabic by A. Nirrsh and R. Akhmetzhanov. Edited by D. V. Mukhetdinov. – Moscow: NUR Publishing House, 2013. – 324 p. (In Russian).
3. Ali-zade, A. Islamic Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Ansar, 2007. – 400 p.
4. Arabic-Russian Dictionary. Vol. 1. – Tashkent, 1994. – 456 p.
5. Ardzinba, V. G. My Life. Memoirs. – Sukhum, 2018. – 512 p. (In Russian).
6. Gainutdin, Ravil. Islam: Doctrine, Worship, Ethics, Law. Centralized Religious Organization – the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation; Saint Petersburg State University; Moscow Islamic Institute; edited by D. V. Mukhetdinov. – Moscow: Medina Publishing House, 2020. – 848 p. (Series: Islamic Thought in Russia: Revival and Reinterpretation). (In Russian).
7. Gubliya, R. Kh. Essays on Abkhaz Etymology. – Sukhum: Abkhazian State University Press, 2013. – 330 p. (In Russian).
8. Dzhonua, B. G. Loan Vocabulary of the Abkhaz Language. – Sukhum: AbIGI, 2002. – 160 p. (In Russian).
9. Dzidzaria, G. A. Muhajirstvo and problems of the history of Abkhazia in the 19th century. – Sukhumi: Alashara, 1975. – 528 p. (In Russian).
10. Inal-ipa, Sh. D. Abkhazians (Historical and ethnographic essays). – Sukhumi: Alashara, 1965. – 695 p. (In Russian).
11. Inal-ipa, Sh. D. Abkhaz Anthroponymy. – Maykop: Adygea Publishing House, 2002. – 384 p. (In Russian).
12. Inal-ipa, Sh. D. Tradition and Modernity. – Sukhumi: Alashara Publishing, 1978. – 112 p. (In Russian).
13. Kaslandzia, V. A. Abkhaz–Russian Dictionary. – Sukhum, 2005. – 1011 p. (In Russian).
14. The Qur'an: Translation of Meanings and Commentary. Translated and commented by E. Kuliyev. 6th stereotype ed. – Moscow: Umma, 2012. – 816 p. (In Russian).
15. Krylov, A. B. Religion and Traditions of the Abkhaz (Based on Field Materials, 1994–1990). Abstract of doctoral dissertation in History. – Moscow, 2000. – 46 p. (In Russian).
16. Lakerbay, M. A. Abkhaz Novellas. – Sukhum: Abgosiddat, 2014. – 424 p. (In Russian).
17. Smyr, G. V. Islam in Abkhazia and ways to overcome its remnants in modern conditions. – Tbilisi: Metzniereba, 1972. – 227 p. (In Russian).
18. Turkish-Russian Dictionary. – Istanbul: Multilingual, 1994. – 950 p. (In Russian).
19. Khagba, L. R. Basic Linguocultural Concepts in the Abkhaz and Abaza Languages: Based on Idiomatic Material. Doctoral dissertation in Philology (10.02.02; 10.02.19). – Nalchik, 2006. – 260 p. (In Russian).
20. Shagirov, A. K. Loan Vocabulary of the Abkhaz–Adyghe Languages. Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences; edited by V. I. Abaev. – Moscow: Nauka, 1989. – 191 p. (In Russian).
21. Shakirbai, G. Z. "On Turkish Lexical Borrowings in the Abkhaz Language." Proceedings, Issue II. AbIA/LI, Georgian SSR Academy of Sciences; editorial board: G. A. Dzidzaria (ed.), Sh. D. Inal-ipa, K. S. Shakryl et al. – Tbilisi: Metsniereba, 1973. – 212 p. (In Russian).

22. Shakryl, K. S., and Kondzharia, V. Kh. Dictionary of the Abkhaz Language. Vol. I: A–O. 1st ed. – Sukhumi: Alashara Publishing, 1986. – 496 p. (In Russian).
23. Shakryl, K. S., Kondzharia, V. Kh., and Chkadua, L. P. Dictionary of the Abkhaz Language. Vol. II: P–Tsh'. – Sukhumi: Alashara Publishing, 1987. – 544 p. (In Russian).
24. Aouzhba, V. Apsuaa rgvamtsaakua (Abkhaz Sayings). Abkhazian Institute for the Humanities named after D. I. Gulia. – Aqwa: Akypa Publishing House, 2021. – 224 p. (In Abkhazian).
25. Smyr, G. The Contemporary State of Islam in Abkhazia and the Ways of Its Elimination. – Aqwa: Alashara Publishing, 1967. – 95 p. (In Abkhazian).